

«В массе своей голливудские фильмы меня не увлекают»

В Лос-Анджелесе состоялась премьера нового документального фильма Марины Голдовской «Искусство и жизнь: в поисках связующей нити» об американском режиссере-авангардисте Питере Селларсе. Специальный корреспондент «Известий» **Галя Галкина** взяла интервью у Марины Голдовской, которая не только снимает документальное кино, но и учит студентов Калифорнийского университета, как это делать. А также судит документалистов, чьи фильмы претендуют на «Оскара», в качестве голосующего члена Американской киноакадемии.

ИЗВЕСТИЯ: Вы недавно упомянули, что в ваших закромах 400 часов отснятого материала. Почему вы решили закончить фильм о режиссере Питере Селларсе в первую очередь?

МАРИНА ГОЛДОВСКАЯ: Когда семь лет назад я попросила разрешения у Питера Селларса, который читает курс лекций в нашем университете (UCLA. — «Известия»), снимать его, ему было неудобно мне отказать. А после семи лет съемок, правда, с перерывами на его исчезновения, мне было неудобно не закончить фильм о нем.

ИЗВЕСТИЯ: Как получилось, что героем вашего фильма стал такой «неудобный» человек?

ГОЛДОВСКАЯ: У Питера очень большой класс — студентов 300, которым он читает курс «Искусство как социальное действие». Обычно он приглашает на свои занятия режиссеров, художников, артистов. В 1997 году он пригласил меня с фильмом «Власть соловецкая» и произвел на меня очень большое впечатление своей внутренней неординарностью и внешней выразительностью. Его возвышенное отношение к искусству оказалось созвучно моему. И я сама напросилась снимать его лекции, на которых он ругал принятое в Америке отношение к искусству как к средству развлечения и призывал своих студентов менять мир в лучшую сторону.

ИЗВЕСТИЯ: В общем, вы нашли единомышленника в Америке?

ГОЛДОВСКАЯ: Да, мы подружились. Кроме лекций я снимала репетиции его авангардного спектакля «Экраны» по мотивам пьесы неординарного французского писателя Жана Жене об алжирской революции. Правда, Питер, как обычно, нашел в ста-

ром сюжете новое значение — лос-анджелесский бунт 1992 года как восстание латинос и черных из бедных восточных кварталов.

ИЗВЕСТИЯ: Питер Селларс, конечно, уникальный человек и достоин фильма о себе, но в чем заключается главная идея вашей картины?

ГОЛДОВСКАЯ: Искусство может и должно воздействовать на жизнь, изменяя ее в лучшую сторону. К сожалению, эта точка зрения здесь не очень популярна.

«Мы не выставляем напоказ свою принадлежность академии — чтобы избежать давления со стороны»

ИЗВЕСТИЯ: Как вы сочетаете нелюбовь к голливудским фильмам с членством в академии?

ГОЛДОВСКАЯ: Я рада, что стала членом Американской киноакадемии. Как представитель документальной секции академии, а также член правления этой секции, я не только должна, но и с удовольствием смотрю все документальные фильмы, которые обычно бывают более интересными и серьезными, чем игровые. Что касается остальных категорий, то я подключаюсь к голосованию по ним после оscarовской номинации, то есть смотрю уже отборные фильмы. В этом году я также вызвалась поработать в специальной номинационной группе.

ИЗВЕСТИЯ: Какие обязательства вы на себя приняли, став членом номинационной группы?

ГОЛДОВСКАЯ: Я должна была посмотреть все документальные фильмы, короткометраж-

ные и полнометражные, присланные на конкурс в этом году, и выбрать лучшие. Мне их присылали партиями по 12 картин, в кассетах и на DVD. Это была нелегкая работа, но я получила от нее профессиональное удовлетворение.

ИЗВЕСТИЯ: Вы это делали анонимно?

ГОЛДОВСКАЯ: Бюллетени с «отметками» я отсылала, не указывая фамилию — на конверте стоял только мой личный номер. Я, как и мои коллеги по академии, не выставляем напоказ свою принадлежность к ней: не то чтобы замалчиваем, но и не часто об этом упоминаем. Это делается для того, чтобы избежать любого давления со стороны.

ИЗВЕСТИЯ: За какие фильмы вы голосовали?

ГОЛДОВСКАЯ: За все документальные картины, которые оказались номинированы на «Оскара», а также за те, которые получили номинации в категории «Лучший иностранный фильм».

ИЗВЕСТИЯ: Некоторые критики сравнивают киноакадемию с домом престарелых.

ГОЛДОВСКАЯ: Это неправда, потому что состав академии постоянно обновляется за счет молодежи. Средний возраст членов нашей документальной секции 40 лет.

ИЗВЕСТИЯ: На своих лекциях вы любите повторять, что документальное кино — это кратчайший путь к бедности. Ваше мнение не изменилось после того, как фильм Мура заработал более ста миллионов долларов, да и фильмы других режиссеров стали показывать в кинотеатрах?

ГОЛДОВСКАЯ: Моя присказка была шуткой. Но отношение к документальному кино в последнее время действительно изменилось к лучшему — его стали уважать и показывать в кинотеатрах, и зрители на самом деле ринулись смотреть документальные фильмы. Но документалистам от этого легче не стало, так как конкуренция среди них сильно возросла из-за относительной легкости и дешевизны производства. Я сняла свой фильм о Питере Селларсе на два небольших университетских гранта. Теперь, когда картина закончена, возникает новая проблема: как ее продать? Но, несмотря на все трудности, документальное кино становится все более востребованным жанром: снимать жизнь такой, какая она есть, очень увлекательно, особенно жизненные истории, на которые сейчас большой спрос.

ИЗВЕСТИЯ: Может быть, личностная тема в документальном кино — это и есть ответ мейнстриму?

ГОЛДОВСКАЯ: Я согласна с вами, в какой-то степени это так и есть.